

Л. А. Федоренко

*Белорусский государственный экономический университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: Ludmila_by@list.ru*

**ЦИТАТА КАК ОДИН ИЗ МАРКЕРОВ ПОЛИФОНИИ,
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В
ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОГО ТОК-ШОУ**

В данной статье рассматривается соотношение терминов «полифония», «интертекстуальность» и «прецедентность». Выделяются три статуса цитаты, которая является одним из основных лингвистических маркеров полифонии, интертекстуальности и прецедентности. Фиксируются критерии интертекстуальной, полифоничной и прецедентной цитаты.

Ключевые слова: полифония; интертекстуальность; прецедентность; цитата; дискурс ток-шоу.

L. A Fedorenko

*Belarus State Economic University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: Ludmila_by@list.ru*

**QOTATION AS ONE OF THE MARKERS OF POLYPHONY,
INTERTEXTUALITY AND PRECEDENT PHENOMENA IN THE
TELEVISION DISCOURSE OF THE FRENCH TALK-SHOW**

This article analyses the relationship between the terms «polyphony», «intertextuality» and «precedent phenomena». Three statuses of quotation are distinguished, which is the main linguistic marker of polyphony, intertextuality and precedent phenomena. The article proposes the criteria to distinguish intertextual, polyphonic and precedent quotation.

Key words: polyphony; intertextuality; precedent phenomena; quotation; talk-show discourse.

Идеи межтекстового взаимодействия нашли свое выражение в терминах «полифония» (М. М. Бахтин), «интертекстуальность» (Ю. Кристева), «прецедентность», «прецедентный текст» (Ю. М. Караулов, В. В. Красных). Круг понятий данных терминов трактуется по-разному в зависимости от автора.

Термин «полифония» принадлежит русскому философу М. М. Бахтину, который определял данное понятие как «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [1, с. 3]. Данное определение положило основу для развития двух основных подходов к трактовке данного термина. Внутренняя полифония, когда говорящий

субъект вырабатывает собственную позицию относительно содержания высказывания. Идентификаторами внутренней полифонии служат определенные лингвистические маркеры: *certainement* 'несомненно'; *peut-être* 'возможно'; *croire* 'верить'; *douter* 'сомневаться'; полемическое и металингвистическое описание [2; 3]. Внешняя полифония, разрабатываемая скандинавскими и французскими лингвистами, подразумевает под термином «полифония» «актуализацию нескольких голосов в одном и том же тексте» [4, с. 3], «множественность голосов в высказывании» [5, с. 25]. Одним из маркеров внешней полифонии являются пословицы и поговорки, цитаты, аллюзии, плагиат, пародии [3, с. 122], прямое и косвенное цитирование [6].

Развивая идеи межтекстового взаимодействия М. М. Бахтина, Ю. Кристева вводят термин «интертекстуальность», имеющий, прежде всего, широкую интерпретацию. Под интертекстуальностью исследователи видели динамику текстов и их транспозицию. «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [7, с. 429]. Широкая интерпретация данного термина нашла свое отражение в работах Р. Барта, И. П. Смирнова, Ю. М. Лотмана, Л. П. Прохорова, Н. В. Петровой и др. Развитие теории интертекстуальности привело к ограничению скрывающегося за ним понятия. В частности, Ж. Женнет, рассматривающий межтекстовые связи в рамках более широкого понятия «транстекстуальности», понимает под интертекстуальностью «все что включает [текст] в явные или неявные отношения с другими текстами» [8, с. 76]. При таком подходе интертекстуальность подразумевает в тексте присутствие конкретных и явных отсылок к предшествующим текстам в виде аллюзии, плагиата, цитаты [9, с. 83]. Узкой трактовки интертекстуальности придерживались лингвисты Н. А. Фатеева, И. В. Арнольд, Н. А. Кузьмина, Е. А. Баженова и др.

Дальнейшие исследования интертекстуальности как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов показали, что это понятие объединяет интертекстуальные элементы, разнородные с точки зрения их участия в формировании содержания «принимающего» текста. Это послужило основанием для введения в исследование интертекстуальных отношений понятия прецедентности, определяемого Ю. Н. Карауловым через понятие прецедентного текста. Согласно автору, под прецедентными «понимаются тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению, включая предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возникает неоднократно в дискурсе данной языковой личности». [10, с. 216]. При этом автор подчеркивал, что прецедентность – это не просто отношение сопри-

сутствия одного текста в другом, это, прежде всего, система ассоциаций, стоящая за каждым прецедентным текстом. Интертекстуальность, в отличие от прецедентности, характеризуется линейностью, т. е. не создает скрытого смысла, интерпретация которого придала бы высказыванию некий иной, более глубокий смысл. За прецедентом всегда стоит логическая ассоциация, он представляет собой нечто большее, чем просто наименование, это своего рода связь между тем, о чем говорится в принимающем тексте, и самим прецедентом на основе схожих характеристик.

Важной чертой прецедентности следует считать привнесение дополнительных коннотаций, позволяющих оценить то, о чем говорится в принимающем тексте, «по шкале “плюс” “минус” и “вверх” / “вниз”» [11, с. 68]. Ю. Н. Караулов пишет о «готовых эмоционально-интеллектуальных блоках – стереотипах, образцах, мерках для сопоставления» [10, с. 220]. Для прецедентности характерен инвариант восприятия, «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [12, с. 84]. Иллюстрацией этого являются популярные примеры, приводимые в научной литературе, в частности Ходынка как обозначение массового и кровавого столпотворения, Чернобыль как обозначение глобальной катастрофы, Робин Гуд как пример бескорыстной помощи другим.

Исследователи прецедентности указывают на ее непосредственную связь с культурой и относят прецедентные феномены к «ядерным элементам когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [12, с. 82]. Прецедентность является своего рода сигналом, когда ввод прецедента в речь говорящего «активизирует в сознании слушателя определённое явление социально-политического, исторического значения, прецедент вступает в игру» [10, с. 217].

Основными маркерами прецедентности являются имена, используемые с изменением денотативно-понятийной соотнесенности, цитаты, квазичитаты, пословицы, поговорки и афоризмы. Как уже упоминалось ранее, маркерами интертекстуальности служат аллюзия, плагиат и цитата. Маркерами полифонии являются пословицы и поговорки, цитаты, аллюзия, плагиат, пародии. Как можно заметить, полифония, интертекстуальность и прецедентность имеют несколько общих точек соприкосновения. Цитата представляет собой наиболее интересный случай межтекстового взаимодействия, т. к. в зависимости от ее характера может являться либо маркером полифонии, либо интертекстуальности, либо прецедентности.

Следует отметить, что для прецедентной цитаты характерно отсутствие ссылки на источник цитирования. Такого рода цитаты не предпола-

гают обязательной атрибуции. По своему статусу в структуре языковой личности и по особенностям их использования такого рода цитаты сближаются с генерализированными высказываниями, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе [9, с. 230–231]. Роль прецедентной цитаты заключается не просто во введении чужого слова, наподобие прямой речи, а в привнесении дополнительного смысла в высказывание. «Их роль совсем другая: они служат своего рода указателями, обозначают специальное «русло», особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [10, с. 230]. Например, в ток-шоу *On n'est pas couché* один из участников говорит о настроении, которое преобладает в обществе: [...] *Et aujourd'hui ce qui me navre le plus, c'est le climat de résignation. C'est le ciel bas et lourd qui pèse comme un couvercle sur le cœur. C'est la peur. Dans l'entreprise ce que j'entends, c'est la peur. C'est la crainte de la hiérarchie, c'est ce qu'on va penser de moi et ainsi de suite* 'То, что меня сегодня особенно тревожит, это дух смирения. **Когда небесный свод, нависший и тяжелый, гнетет усталый дух**¹. Это страх. Это боязнь начальства, того, что обо мне подумают'. Автор высказывания апеллирует к стихотворению Ш. Бодлера «Сплин» для того, чтобы передать образ тоски и уныния. Говорящий сгущает краски, рисуя довольно мрачную картину общественного настроения. При этом цитата вводится имплицитно, т. к. говорящий уверен, что аудитория знакома с данным стихотворением.

Иллюстрацией интертекстуального цитирования может служить ответ журналистки Кристин Анго по поводу искусственного интеллекта: *Et moi j'ai entendu une interview qui a été faite par Marc Dugain [...] et il pose une question à Marguerite Duras et voilà ce qu'elle répond: "Il n'y auras plus que ça. Je crois que l'homme sera littéralement noyé dans l'information [...]"* 'Я слышала интервью Марка Дюгана, когда он задал вопрос Маргарите Дюрас. Вот, что она ответила: «Будет только искусственный интеллект. Мне кажется, что человек захлебнется в потоке информации»'. К. Анго, высказывая свое мнение относительно искусственного интеллекта, эксплицитно апеллирует к интервью французской писательницы М. Дюрас в 1985 г. При этом журналистка полностью соглашается с мнением М. Дюрас. Приведенная цитата прозрачна и линейна, не вызывает у слушающих дополнительных ассоциаций.

¹ Перевод С. А. Андреевского.

Отдельно рассмотрим вопрос о разграничении цитаты как маркера полифонии по отношению к прецедентности.

Прямое и косвенное цитирование используется, как уже было отмечено, в качестве одного из средств создания полифонии. Прецедентное цитирование и цитирование как явление полифонии различаются, прежде всего, по функции их употребления. Целью полифоничного цитирования является придание высказыванию большей авторитетности и объективности. Цитата используется как средство аргументации. Как, например, философ Р. Энтховен в одном из выпусков ток-шоу *Zemmour et Naulleau* размышляя по поводу дебатов, приходит к выводу, что дебаты – это принцип противостояния двух мнений, в результате которых рождается истина. R. Enthoven: *J'appelle «débats» un exercice où faisant l'usage de la raison, on accepte d'être convaincu par l'autre [...]. Ce que je veux dire, c'est que comme dit Montaigne «Qui s'oppose à moi – m'instruit». Il n'y a pas de problème. Il y a juste une façon de le faire* 'Я называю дебатами такое упражнение, в котором, апеллируя к разуму, мы позволяем себя убедить. Я хочу сказать, что дебаты – это, то, что сказал Монтень: «Кто мне противостоит – меня обучает». Никакой проблемы нет. Есть только разные способы дебатировать' Р. Энтховен цитирует Монтеня с целью придать своей точке зрения большую авторитетность и значимость, оказать влияние на аудиторию. Он эксплицитно вводит голос Монтеня, чтобы получить одобрение от аудитории. Он стремится показать, что его мнение о дебатах опирается на авторитетное мнение философа Возрождения.

Прецедентное цитирование, в свою очередь, по большей части имплицитно и актуализирует скрытый смысл высказывания. Говорящий стремится к остроумному выражению мысли, тонкому намеку на действительность, нередко с целью рассмешить, «оживить» и «сгладить» конфликтные моменты коммуникации. Как, например, Р. Энтховен, критикуя книгу одного из политиков левоцентристского толка Ф. Рюффена, упрекает последнего в том, что он не предлагает конкретных решений: [...] *Plein de trucs. Tout ça débouche sur un dernier chapitre qui s'appelle «Essayez quelque chose» où vous formulez le rêve du Front populaire écologique et vous souhaitez forcer les députés à voter la fin du plastique à l'usage unique. Je veux dire: **jamais la montagne n'a accouché d'une souris plus petit**. Ma question est: comment faites-vous pour faire advenir le monde que vous appelez de vos vœux alors que vous vous privez vous-même de moyens pour y parvenir.* 'В вашей книге много чего. И все это заканчивается последней главой, которая называется «Попробуйте сделать что-нибудь», в которой вы формулируете мечту партии Народный экологический фронт. Вы хотите заставить депутатов проголосовать за закон, который бы запретил использование одноразовых пластиковых пакетов. Я хочу сказать,

что *гора еще никогда не рождала такую маленькую мышь*. Мой вопрос заключается в следующем: как вы планируете установить тот мир, о котором мечтаете, в то время как вы лишаете себя способов его достичь? Выражение «Гора родила мышь» отсылает к одноименной басне Лафонтена, который, в свою очередь, заимствует это выражение у Горация. При помощи апелляции к басне Лафонтена Р. Энтховен тонко намекает, что у Ф. Рюффена очень много идей, но конкретных результатов нет. Цитата позволяет Р. Энтховену тактично и корректно указать на недостатки политика. Прецедентное цитирование выходит за пределы семантико-синтаксического содержания, «их глубинное значение не равно простой сумме значений компонентов, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов прецедентного высказывания» [11, с. 95].

Таким образом, полифония, интертекстуальность и прецедентность пересекаются на участке цитирования. Прецедентное цитирование, в отличие от полифоничного и интертекстуального цитирования, по большей части имплицитно, имеет за собой скрытый смысл, основывающийся на параллели между прецедентом и принимающим текстом. Прецедентное цитирование всегда рождает ассоциацию при помощи штрихов, кодов, отсылок к источнику прецедента. Полифония и интертекстуальность (в узком смысле) подразумевают конкретные отсылки к предшествующим текстам. Интертекстуальное цитирование и цитирование как один из маркеров полифонии всегда эксплицитны. В их задачу входит дать возможность услышать максимальное количество голосов в принимающем высказывании, что является одним из способов апелляции к авторитету.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. – 800 с.
2. Лапунова, О. В. Виды и функции полифонии во французском новостном дискурсе / О. В. Лапунова // Вестник МГЛУ. Сер.1, Филология. – 2012. – № 4. – С. 24–32.
3. Stolz, C. Initiation à la stylistique / C. Stolz. – Paris : Ellipses, 2006. – 220 p.
4. Olsen, M. Remarques sur le dialogisme et la polyphonie / M. Olsen // Polyphonie – linguistique et littéraire / Lingvistisk og litterær polyfoni. / Documents de travail/arbejdsrapporter. – No VI, novembre 2002. Les polyphonistes scandinaves. De skandinaviske polyfonister. – Samfundslitteratur Roskilde, 2002. – P. 1–3
5. Nowakowska, A. Des textes russes de M. Bakhtine à la linguistique contemporaine / A. Nowakowska // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.] – Paris, 2010. – P. 19–33.
6. Харитонов, О. А. Композиционный полифонизм: генезис и структурные модификации: на материале романной прозы XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / О. А. Харитонов. – Елец, 2009. – 170 л.

7. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
8. Genette, G. Palimpsestes. La littérature au second degré / G. Genette. – Paris : Editions du Seuil, 1982. – 467 p.
9. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : URSS, 2010. – 264 с.
11. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
12. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных [и др.]. // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. / редкол.: В. В. Красных [и др.]. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.